

Э. А. Жукова

Тверской государственный университет, 3 курс

Научный руководитель: к.ф.н. П. А. Колосова

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Современные лингвисты определяют языковую картину мира (далее ЯКМ) как закрепившиеся в языке способы или результаты концептуализации действительности [Корнилов 2003, Зализняк 2012, Мазирка 2008, Никитина 2006, Урысон 2003].

Слово «способ» чаще используется в рамках психолингвистического и когнитивного подходов, движущихся от сознания к языку: устойчивые языковые структуры определяются мыслительной деятельностью, которая стремится к систематизации и стереотипизации реальности. При этом сами способы концептуализации действительности, одним из которых является ЯКМ, могут изменяться под влиянием различных внешних факторов. Такой подход хорош для изучения связи между мышлением и языком, однако сейчас он работает только в одну сторону, поскольку большинство современных психолингвистических исследований описывают влияние мышления на язык, но игнорируют или исключают влияние языка на мышление.

Между тем определение ЯКМ как «результата» больше свойственно традиционалистскому и лингвокультурологическому подходам, движущимся от языка к сознанию: мышление человека предопределено и ограничено уже готовыми структурами, которые предлагает ему национальный язык. В этом случае ЯКМ – зачастую неосознаваемый носителем, но влияющий на его мышление фон. Усваивая язык, человек усваивает и концептуальную картину мира языкового коллектива: традиции, идеалы, ценностные ориентиры и т.д. Такой подход хорош тем, что позволяет изучать культуру лингвистическими методами (например, проводить семантический анализ лексем для выявления культурных концептов языкового коллектива), однако за последние десятилетия предмет лингвистики расширился, и теперь учёные интересуются не столько сосюрковским «языком в себе и для себя», сколько языком в контексте культуры и сознания. Изменения в сторону антропоцентризма оказались настолько значительными, что Н. Хомский предложил рассматривать современную лингвистику как раздел когнитивной психологии [Chomsky 1968: 1]. Очевидно, расширившийся предмет исследования требует расширения методов и привлечения экспериментальных данных, а в этом плане традиционалистский подход несколько отстаёт. Кроме того, традиционалистский подход не позволяет изучить столь актуальные сегодня связи между языком, мышлением и

изменяющимися реалиями (обстановка в социуме, технический прогресс и прочие), поскольку он рассматривает ЯКМ как изолированную систему, предопределяющую мышление, и не более того.

Поскольку оба подхода кажутся нам неполными, мы предлагаем объединить их и понимать ЯКМ как комплексное явление, состоящее из статического и динамического компонентов, где:

1) статическое относится к надиндивидуальной системе языка, плохо поддаётся изменениям и оказывает влияние на мышление всего языкового коллектива (тот самый «фон» из традиционалистского подхода);

2) динамическое относится к индивидуальному сознанию, изменчиво, зависит от индивидуальных особенностей мышления и внешних факторов вроде социальных условий и технического прогресса.

При этом оба компонента оказывают влияние друг на друга: статический препятствует слишком резким языковым изменениям и делает язык понятным для всех его носителей, а динамический стремится приспособить устоявшиеся языковые структуры к условиям стремительно изменяющейся реальности. Динамический компонент может перейти в статический при условии, что изменение коснётся большинства говорящих. Например, если все начнут употреблять «кофе» в среднем роде, со временем это закрепится в нормах языка и станет частью статического компонента.

Среди отечественных исследователей похожие мысли высказывает А. Яковлев: «Индивиды используют в общении язык, выработанный социумом, и через повторяющиеся акты познания мира посредством языка в схожих условиях они формируют в своих сознаниях схожие устойчивые представления о действительности» [Яковлев 2019: 118].

Что касается зарубежных авторов, подобный подход к ЯКМ распространён в феминистской критике языка [Lakoff 1973, Spender 1980, Spretnak 1982, Warren 2000] и среди социолингвистов [Rommetveit 1968, Blakar 1979].

Феминистки стремятся привлечь внимание к вопросу гендерной асимметрии в английском языке, так как считают, что гендер – это возникший в условиях патриархата угнетающий социальный конструкт, который нужно изменить, либо разрушить. Поскольку любой социальный конструкт связан с культурой, гендер можно рассматривать как часть концептуальной картины мира, которая находит своё отражение в языке. Говоря о необходимости женской гендерной репрезентации в языке для изменения социальной действительности, Р. Лакофф и Д. Спендер изначально основывались на гипотезе языковой относительности Сепира – Уорфа, однако внесли в неё ряд поправок и в итоге получили ту же двухкомпонентную модель ЯКМ, что мы описали выше [Lakoff 1973: 73; Spender 1980: 31]. Хотя нам не удалось найти феминистских работ, где был бы представлен подробный план по изменению устоявшейся

андроцентричной ЯКМ, многие женщины поддержали идею, начав разрабатывать альтернативные гендерно-нейтральные, либо гиноцентрические языковые конструкции и используя их не только в повседневной речи, но и в публицистике и литературных произведениях. Основная цель заключалась в том, чтобы придать явлению массовый характер и тем самым добиться статуса нормы для нововведённых конструкции [Luck 2020: 18].

Так появился жанр феминистской научной фантастики (далее НФ), а также учреждена премия Джеймса Трипти-младшего, которая вручается за произведения в жанре НФ, раздвигающие гендерные рамки и исследующие вопросы гендерной репрезентации в целом. Среди победительниц и номинанток можно выделить Урсулу Ле Гуин, Джоан Лин Слончевски, Мардж Пирси, Маргарет Этвуд. Альтернативные языковые конструкции, предложенные этими писательницами в рамках формирования фантастического художественного мира, стали материалом ряда филологических, лингвистических и социальных исследований, предлагающих рассматривать воссоздание альтернативной реальности с другим языком и культурой в качестве политического акта и попытки повлиять на нынешнее социальное устройство с помощью изменений в языке [Sanz Alonso 2013, Flys Junquera 2018, Luck 2020]. НФ не призывает использовать фразы, выражения и грамматические конструкции из книг, однако предлагает читателю пересмотреть свои взгляды на английский язык и по возможности стремиться к менее андроцентричному звучанию.

С точки зрения лингвистики, феминистская НФ интересна тем, что является удачной иллюстрацией теории норвежских социолингвистов Румметвейта и Р. М. Блакара, считавших язык инструментом социальной власти, способным служить для изменения устоявшихся культурных концептов и формирования новых ценностных ориентиров. За этими изменениями могут стоять факторы из области культуры, политики, экономики, престижа и коммуникации, при этом воздействие зачастую происходит посредством СМИ и массовой культуры. Проще говоря, чем чаще люди встречаются в кино, книгах, новостях и от медийных личностей новые слова, тем быстрее к ним привыкают и принимают вложенные в них глубинные значения.

Согласно Р.М. Блакару, картина мира складывается при помощи подбора:

- 1) значимых слов и выражений;
- 2) новых слов и выражений;
- 3) грамматических форм;
- 4) суперсегментных характеристик (эмфаза, тон голоса и т.д).

Поскольку анализ суперсегментных характеристик возможно произвести только на материале звучащей речи мы остановимся лишь на первых трёх пунктах.

Под подбором значимых слов и выражений подразумевается выбор между синонимическими выражениями, с помощью которых можно выразить свое отношение к референту. Блакар сравнивает употребление слов «black», «negro», «colored» и «nigger», а также «police» и «cops». В феминистской НФ писательницы используют подбор значимых слов, чтобы подчеркнуть социальную несправедливость. Зачастую мы видим либо гиперболизированное насилие над женщиной, свойственное антиутопиям, либо альтернативные культуры, где в роли угнетаемого выступает мужчина. Так в «The Word For World Is Forest» Урсулы Ле Гуин показаны объективизация и потребительское отношение к женщине: «...the new shipload of women had arrived. They were here, in Centralville, twenty-seven light years from Earth by NAFAL and four hours from Smith Camp by hopper, the second batch of breeding females for the New Tahiti Colony, all sound and clean, 212 head of prime human stock.» Сравните это с книгой Д. Слонжевски «A Door Into Ocean», в которой читатель попадает на планету, где живут исключительно женщины. Мужчины живут на другой планете и воспринимаются как нечто чуждое и непонятное, поэтому в женском языке устоялись понятия «sister», обозначающее любую женщину и «malefreak», обозначающее любого мужчину. Здесь же мы можем найти и эвфемизмы. В вымышленном женском языке не существует глаголов со значением нанесения вреда или убийства, поскольку культура насилия полностью отсутствует, и в концептуальной картине мира чрезвычайно миролюбивых обитательниц планеты в принципе нет таких понятий. Не существует и глаголов со значением 'умирать', вместо них есть только эвфемическое выражение «to hasten death», которое используется для обозначения смерти от несчастного случая. Примечательно, что такое же разделение на мужской и женский языки и выражение «to hasten death» встречается и в «The Word For World Is Forest» Урсулы Ле Гуин.

Между тем новые слова и выражения формируются тогда, когда появляются новые социальные реалии, либо появляются причины для изменения имени уже существующего явления. Так в английском языке появилось местоимение «they» для гендерно-нейтральных персон и ряд унифицированных названий профессий. В изученных нами художественных произведениях наиболее часто встречаются новые местоимения, неологизмы в именах собственных и неологизмы для обозначения женщин и мужчин. В «Woman on the Edge of Time» М. Пирси используется гендерно-нейтральное местоимение «per», производное от «person». В «The Word For World Is Forest» Урсула Ле Гуин называет планету «Athshe», объединив слова «Athena» и «She», а имя главного героя («Selver»), который спасает планету от вырубki леса, писательница образует от прото-индо-европейского корня со значением «лес». Также в одной из ранних редакций рассказа «The Eye of God» М. Розенблюм мы

видим использованные в ироническом значении слова «masculinist» и «houseman». Не менее интересен «housebond», который используется вместо «husband» в «Egalia's Daughters» Г. Брантенберг.

Не меньшее влияние на восприятие оказывает подбор грамматических форм. Блакар считает, что выбор активной или пассивной формы приводит к переосмыслению ситуации в отношении того, кто является «главным действующим лицом» и тем, о ком идет речь. Сравните: «John beat Jack» и «Jack was beaten by John». Первый пример отсылает нас к Джону, и мы ожидаем услышать: «Он сильный», или что-то в этом духе. Второй пример отсылает к Джеку, и мы скорее ожидаем услышать «Он заплакал». В «A Door Into Ocean» представлен язык, где отсутствует категория залога, и фраза типа «John beat Jack» прочитывается одновременно и как «Джон побил Джека», и как «Джек побил Джона». Такое строение языка связано со сверхвысоким уровнем эмпатии жительниц этой планеты и местной культурой, где принято разделять все чувства и эмоции между собой. Поскольку современный английский язык сложно представить без разделения на активную и пассивную формы и субъект и объект, язык, представленный в книге, кажется землянам сложным и непонятным: «How shall we even tell them anything, in that cat's tongue they call a language? With what passes for 'verbs,' you never know who's doing what to whom»

Как видно из примеров, феминистская НФ ставит под сомнение культуру угнетения и нездоровые социальные системы, предлагая альтернативный образ жизни, основанный на этике заботы и уважения. В этом смысле взгляд со стороны и отчужденная точка зрения, которые помогает принять НФ, позволяют читателям приблизиться к реальности незнакомым способом и по-новому взглянуть на собственную культуру [Sanz Alonso 2013]. Создавая вымышленные языки, писательницы-феминистки акцентируют внимание на волнующих их проблемах современности. В их числе андроцентричность и отсутствие гендерно-нейтральных местоимений, а также пренебрежительно-объективизирующее отношение к женщине. Попытки оказать влияние на культуру через язык нередко оказываются успешными: отсюда большое количество прижившихся в английском языке гендерно-нейтральных обращений, местоимений, названий профессий; исчезновение некоторых эвфемизмов, а вместе с ними и строго табу на многие аспекты женского здоровья, сексуальности, внешности и т.д. Можно говорить о том, что гендерная репрезентация в языке способна оказать положительное влияние на культуру, однако практика показывает, что язык крайне медленно и неохотно поддается влиянию извне, а потому внесение каких-либо радикальных изменений и создание полностью гендерно-нейтрального языка представляется нам невозможным. Тем не менее, ответ на этот вопрос даст только время.

ЛИТЕРАТУРА

- Blakar, R. M. 1979. Language as a Means of Social Power. Pragmalinguistics: Theory and Practice. The Hague: Mouton. Pp. 131-169.
- Flys Junquera, Carmen 2018. Ecofeminist Replicants and Aliens: Future Elysiums through an Ethics of Care. Women's Studies, 47:2. Pp. 232-250.
- Lakoff, R. 1973. Language and Woman's Place. Language in Society, 2(1). Pp. 45-80.
- Luck, C. 2020. Rewriting Language: How Literary Texts Can Promote Inclusive Language Use. UCL Press. 204 p.
- Rommetveit, R. 1968 Words, meanings & messages. Theory & experiments in psycholinguistics. NY, London. 468 p.
- Sanz Alonso, Irene 2013. Redefining humanity in science fiction: the alien from an ecofeminist perspective. Tesis Doctoral, Universidad de Alcalá. 333 p.
- Spender, D. 1980. Man-made language. London: Routledge & Kegan Paul. 139 p.
- Warren, K. J. 2000. Ecofeminist Philosophy: A Western Perspective on What It Is and Why It Matters. Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 253 p.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
- Мазирка О. И. Психолингвистические основы вербальной характеристики личности и языковой картины мира героев художественной литературы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 38 с.
- Никитина Л. Б. Образ- концепт «homo sapiens» в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2006. 41 с.
- Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с
- Яковлев А.А. Методологические вопросы изучения языковой картины мира и языкового сознания: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 216 с.